

И бысть в восторзе страшном, показася ему,
 аки ужь представлен судии своему,
 От него же вопрошен бяше: ты кто еси,
 конго муж закона, да ми исповеси.
 Он же ответ сотвори: аз есмь христианин;
 судяй рече: лжеши, се кикеронианик
 Ты еси, зане книги Кикерони чтеши
 паче христианских, тем казнь да примеши.
 И веле сго бичми добре наказати,
 дабы на теле язвы возможно считати.
 Служителюс убо язвы наложиша,
 а инни молитву о нем сотвориша.
 И бысть помилованны, во плоть отпустися
 и абие якоже от сна возбудися,
 Но страха преисполнен, на теле язвенны,
 аки по хребте бичми оными сеченны.
 Оттоле преста книги сллински читати
 и ят ся христианским тощю прилежати.
 Сам о себе святыи муж сия извещает,
 да никто паче святых книг ины читает.
 О, аще толь святыи муж тако наказася,
 чесо грешный человек имать ждати на ся?
 Лучше убо, братне, святым прилежати,
 а ины книги разве с потреби читати.
 («Книга», л. 234 об.).

Характерен последний стих, допускающий чтение «еллинских» книг «с потреби». Не отрицая их соблазнительности и поддерживая по отношению к ним запретительные меры, Симеон считал, что для обладающих «премудростью» они не опасны. Но какую «потребу» он имел в виду? Это становится ясным из его проповедей. В одном из слов «Обеда душевного» Симеон излагает миф о Мидасе, причем подчеркивает, что это не факт, а «баснословие пиитов». Рассказав о том, как Бахус, довольный угощением фригийского царя, одарил его способностью превращать в золото каждый предмет одним прикосновением и как Мидас потом уразумел опрометчивость своей просьбы, потому что в золото превращался и хлеб, Симеон заключает: «баснословие есть еллинское, но добре лакомых изъясляет нравы».²⁰ Следовательно, всякая премудрость имеет смысл лишь постольку, поскольку она этически определена. Знание истории ценно не само по себе, а как основа нравственного совершенства. И обратно: история есть доказательство истинности христианства, не только его нравственного учения, но и догматического. Симеон-проповедник и Симеон-поэт потому так внимателен к истории,²¹ что считает знание истории основой правильного богосознания и порукой нравственного совершенства. Отсюда представление о грехе как о «тьме»: «грех — тьма», — заявляет Симеон в заглавии одного из стихотворений:

И яко во тме сущии ничто созерцают,
 множицею о спону преткнени бывають,
 Тако грешници в путе блазе слепотствують,
 преткновением лютым излиха бдствують.
 (л. 111 об.)

²⁰ Обед душевный. М., 1683, л. 165.

²¹ См.: А. И. Белецкий. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. — В кн.: Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула (Сборник историко-филологического общества при Харьковском университете, т. XXI). Харьков, 1914, стр. 587—668; А. И. Белецкий. Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 325—334.